

О.В. Новоселова

Тверская государственная сельскохозяйственная академия, г. Тверь

КОММУНИКАТИВНО-КОНСТРУКТИВНОЕ ПРОСТРАНСТВО РЕГУЛЯТИВНЫХ МЕНАСИВНЫХ ДЕЙСТВИЙ

Ключевые слова: перформативная практика, дискурс угрозы, коммуникативный конструкт, диспозиция модальности субъекта, аффект, комфорт, дискомфорт

В данной статье рассматриваются дискурсивные перформативные практики-угрозы, которые изменяют эмоциональное состояние собеседников в пределах коммуникативного перформативного конструкта угрозы. Введение данного понятия позволяет изучить и систематизировать возможные диспозиции Я-говорящего и Я-слушающего в дискурсивном пространстве угрожающей интеракции.

O.V. Novoselova

Tver State Agricultural Academy, Tver

COMMUNICATIVE-CONSTRUCTIVE SPACE OF REGULATORY MENASIVE ACTIONS

Keywords: performative practice, discourse of threat, communicative construct, disposition of subject's modality, affect, comfort, discomfort

This article deals with the discursive threat-performatives that change interlocutors' dispositions of emotional states within the communicative performative construct of threat. Introduction of threat communicative construct can help to study and systematize possible I-speaker and I-hearer's dispositions (generated by threat-performatives) in discursive space of menasive communication.

Содержание регулятивного процесса и воздействия в целом определяется характером решаемых проблем участниками речевой интеракции и раскрывается прежде всего с позиции субъекта (т. е. говорящего или инициатора) и объекта в этом процессе (Романов, 2004). Речевое общение представляет собой некое игровое поле, на котором сталкиваются человеческие желания, надежды, верования, и поэтому даже при наличии «общих целей или хотя бы направления диалога» (Грайс, 1985: 65) интерактивный процесс предполагает постоянное, непрекращающееся противоборство различных мнений, суждений и мировоззренческих взглядов.

Каждый человек вступает в процесс общения со своей собственной «картиной мира» (Романова, 2009: 122). Он имеет не только определенное отношение к предполагаемому партнеру по общению и к теме разговора, но и свое собственное представление о том, как должна протекать коммуникация именно в данный момент, именно в данном месте и именно с данным

партнером: *Я – здесь и сейчас*. Следовательно, диалогическая интеракция в ее подлинном смысле – это встреча различных субъективных миров, различных сознаний, связанных с сопереживанием по поводу общего предмета, а это означает, что в процессе диалогического общения каждый из коммуникантов вынужден «приоткрывать» свой внутренний мир и «впускать» в него чужой (Романова, 2009: 122-123). Коммуникант дает партнеру представление о своем внутреннем мире (т.е. сообщает о своих намерениях) с помощью репликового шага и ожидает, в свою очередь, от партнера, что тот, сопоставив полученную информацию со своей системой знаний,отреагирует в соответствии с типовым сценарием взаимодействия (Романов, 1988).

Партнеры по общению понимают друг друга не потому, что передают собеседнику знаки предметов, и даже не потому, что взаимно настраивают друг друга на точное и полное воспроизведение идентичного понятия, а потому, что, как отмечает В. фон Гумбольдт, взаимно *затрагивают друг в друге одно и то же звено чувственных представлений* и початков внутренних понятий, прикасаются к одним и тем же клавишам инструмента своего духа, благодаря чему у каждого вспыхивают в сознании соответствующие, но не тождественные смыслы (Гумбольдт, 1984: 69). Кроме того, взаимодействие общающихся сторон в диалоге возможно и успешно в том случае, если есть воздействие, влияние партнеров по диалогу друг на друга, если есть упорядоченное в *единый* (целостный) процесс (Романов, 2006: 23), т.е. если субъект жизнедеятельности имеет смысловые инструменты для структурирования, упорядочения и осмысления единиц потока жизненных событий и встреч с определенными предметными областями и интерактивными сферами (Романова, 2009: 16-17). В этом плане актуальным остается вопрос, как человек «измеряет», оценивает, классифицирует определенные явления, события и предметы реального мира, какими критериями он пользуется, какие признаки социальных действий в плане определения их объемности и объемности элементов действительности с точки зрения человека, данной культуры, картины мира существуют и какова специфика лексики, характеризующей непредметную сущность социальных действий и отношений (Романова, 2009: 16).

Согласно некоторым положениям парадигмы коммуникативного конструктивизма «сборка» (конструирование) социального мира осуществляется на основе категоризации вербальной и невербальной информации (Романов, 2008: 63), а также на основе упорядочивания и классификации многообразных форм знания на всех уровнях проявления когнитивной способности человека и его коммуникативной активности в пространстве обыденных сценариев жизнедеятельности. С этих позиций можно попытаться ответить на вопрос о том, с помощью каких средств можно исследовать эмоциональное воздействие, например, следующих перформативных высказываний со значением угрозы, являющихся маркерами менасивных регулятивных действий и направленных на слушающего, (1) *I'll kill you*; (2) *I'll kill you for that*; (3) *If you do it I'll kill you*; (4) *I swear I'll kill you* и как установить, одинаковое ли данные практики (1) -

(4) производят воздействие на эмоциональное состояние Я-адресата угрозы, а также в каком эмоциональном состоянии находится автор угрозы. Другими словами, важно уяснить, каким образом личность интерпретирует и оценивает перформативные угрозы в дискурсивном пространстве социальной интеракции и в какие эмоциональные состояния указанный функциональный тип практик может вводить адресата.

Для ответа на поставленные вопросы целесообразно опереться на такое субъективное понятие как **коммуникативный конструкт** (Хьелл, Зиглер, 1997; Келли, 2000; Романов, Немец, 2006; Романова, 2009), которое использует человек для интерпретации, оценки и прогнозирования событий окружающего мира, своего поведения и поведения других людей. Для разных сфер жизнедеятельности (или предметных областей) у человека существуют разные конструктивные системы, поэтому типовые сценарии жизнедеятельности наполняются конкретным содержанием тогда, когда они включаются в контекст вполне определенной предметной области (Романова, 2009: 36). Коммуникативный конструкт – это смысловая единица более высокого уровня, чем понятие, это «трактовка ментальной репрезентации как специфического языка мышления» (Петров, 1990), это контрарный тип отношения понятий. В этом процессе отправной точкой является сам человек как когнитивный агент, который самостоятельно производит отсчет для себя, своей деятельности и для выработки ориентационных форм поведения. Следует добавить, что человек воспринимает «внешнее» (окружающий мир) через «внутреннее» (свое сознание), причем границы образа мира и образа себя в этом мире достаточно подвижны (Романов, Немец, 2006).

При этом важно иметь в виду, что каждый конструкт применим не ко всем объектам, а только к некоторым из них, которые называются *элементами*. Например, конструкт «высокий» или «низкий» может быть применен к домам и людям, но он не применим к погоде или насекомым. Также конструкт «приказ», «совет» или «угроза» применим только к людям как членам социума, в которых признаются нормы и правила поведения, но не к предметам реального мира. Поэтому вербальные ярлыки, например, «высокий», «низкий» или «совет», «извинение», «крещение», «угроза» наполняются конкретным содержанием тогда, когда они включаются в контекст определенной предметной области. То есть, когда конструкт применяется к какому-либо классу однородных объектов. *Высокий* дом – это одно, *высокий* человек – другое, а *высокая* цель – третье. Содержание конструкта определяется его смысловыми связями с другими конструктами, описывающими тот же самый класс объектов. Поэтому любая вещь или событие сознается говорящим в пределах горизонта его «жизненного мира» (Шюц, 2003), т.е. воспринимаемый индивидом как привычный, нормальный, само собой разумеющийся мир, в котором происходит повседневная жизнь такого индивида.

Если формально следовать логической традиции, то конструкт представляет собой определенный тип отношений между понятиями антонимического плана, в том числе и тип антонимических отношений

(говорящий – слушающий, адресант – адресат, субъект действия – объект воздействия, ведущий – ведомый и др.) между интерактантами социально - коммуникативного взаимодействия. Этот тип отношения понятий в логике называется противоположностью или контрарностью (Романов, 2011), который предполагает, что кроме понятий-антонимов существует, по крайней мере, еще одно *среднее понятие*, относящееся к тому же роду и разделяющее объемы крайних. Другими словами, отношение противоположности предполагает континуальность, например, в директивах – приказ и просьбы, а между ними как среднее (нейтральное) звено – указание.

Для исследования эмоциональной «интенсивности глубины» прагматического воздействия, которую перформативная угроза оказывает на собеседников, необходимо отметить, что в когнитивном плане наиболее важными элементами для отражения полученного опыта в виде определенного конструкта являются *диспозиции модальностей Я*-говорящего субъекта как когнитивного агента, т.е. такие многообразные оттенки самовосприятия человека и предметов реального мира. Как и другие элементы, каждая *модальность Я* имеет вполне определенное местоположение на континууме конструкта (Романов, Немец, 2006).

Диспозиция модальности *Я* как говорящего субъекта представляет собой то, что создается в процессе и посредством речевой интеракции по ходу и мере реализации ее условий, когда говорящие и слушающие идентифицируют себя как личности. В этом плане диспозиция становится действенным элементом (действием-практикой) социально-коммуникативной интеракции и жизненного сценария (Романова, 2009: 149-150). Каждая диспозиция имеет тенденцию проявляться в когнитивно обыденном и перформативном поведении вполне определенным образом в виде той или иной перформативной практики. Причем внешний рисунок (манифестационная конструктивность) и вербального, и невербального поведения достаточно точно отражает взаиморасположение *модальностей Я* когнитивного агента: приказ – обязательное следование приказу по определенному сценарию, а совет – не обязательное следование совету и не обязательно придерживаться ритуальной специфике совета; ср. также и с предметным миром и их оценкой: гранит – камень твердый, а малахит – камень мягкий и т.п. Достаточно одной из модальностей изменить свое местоположение на континууме конструкта, как поведение и эмоции резко меняются.

Не следует думать, что в этом общем определении представлено все содержание диспозиции, связанной с параметрами «большее знание – меньшее знание» конструкта «перформативное действие». В идеале диспозицию составляют все без исключения *модальности Я* когнитивного агента как говорящего субъекта, в том числе и (возможно) не открытые еще в социальной практике общения и науке (например, в психологии). Не следует также думать и о том, что диспозиция – это всего-навсего суждение когнитивного агента о себе познающем. Суждение может быть ложным, а

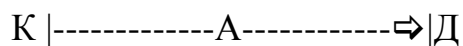
диспозиция всегда истинна. Она такая, какая есть, и какой она только и может быть в рамках перформативного поведения, заданного (определяемого, каузируемого) параметрами типового иллюкутивного конструкта. Совокупность этих параметров и совокупность возможных (обусловленных) истинных проявлений *модальностей Я* формируют (создают) иллюкутивный объем типового конструкта, представленного в ментальном пространстве говорящего индивида в виде некоторого гештальта или фрейма, когда любое проявление такой модальности (в виде реальной дискурсивной перформативной практики) можно рассматривать лишь «проявлением на фоне» конструкта как гештальта. Однако здесь возникает вопрос, который заключается в том, чтобы научиться выявлять ее. Например, мошенник подает себя с самой выгодной стороны, однако его высказывание о себе «*Я клянусь, что Я честный*» и то, что он на самом деле о себе думает, – не одно и то же.

К сказанному следует добавить, что также в структуру диспозиции входят как *представители* (т.е. участники социальной интеракции с различным ролевым репертуаром), так и сопутствующие *конституенты* социального окружения. Важно иметь в виду, что для каждого из названных представителей и конституентов найдется место на континууме между полюсами конструкта.

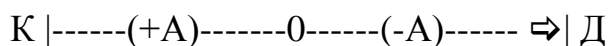
Поскольку каждая диспозиция жестко привязана к определенному конструкту, то появляется возможность проинтерпретировать связи диспозиций, осуществив тем самым переход от анализа индивидуального сознания к анализу *Я* - концепции когнитивного агента в перформативном поведении. Интерпретация связей диспозиции отличается от интерпретации корреляционной связи между конструктами. Понятие положительной и отрицательной корреляционной связи теряет свое непосредственное значение, трансформируясь в понятие противоречивого или непротиворечивого самовосприятия по условиям перформативного характера проявления *модальности – Я* в виде соответствующих естественно-языковых практик перформативного дискурса (Романова, 2009).

Напомним вновь, что одной из главных и универсальных характеристик коммуникативного конструкта является его биполярность, т.е. коммуникативный конструкт угрозы имеет два полюса действительности, проявляющиеся в повсеместном наличии противоположностей, ср.: *Лад* и *Разлад* у коммуникативного конструкта «утешение» (Романов, Немец, 2006; Романова, 2009: 35) и соответственно *Комфортное эмоциональное состояние* и *Дискомфортное эмоциональное состояние* у адресата угрозы в коммуникативном конструкте угрозы. К этому следует добавить, что между данными полюсами эмоционального состояния в содержании конструкта угрозы имеется также и промежуточное звено – аффицированное эмоциональное состояние, под которым понимается такой элемент конструкта угрозы, который *отображает затронутость положительных или отрицательных эмоциональных переживаний собеседников* (см. также: Романов, Новоселова, 2012; 2012а).

Контрарность отношений между комфортным состоянием и дискомфортным состоянием, а также движение от комфортности к дискомфорту в рамках семантического континуума конструкта угрозы можно представить в виде определенной линии, направленной от полюса комфортного состояния (К) к полюсу дискомфортного состояния (Д), которая проходит через нейтральную позицию «Без аффекта»:

Следует обратить внимание на диспозицию эмоционального состояния «Без аффекта» коммуникативного конструкта угрозы, которая делит в семантическом плане данный конструкт на две равные части с центром в точке 0 (ноль; «Без аффекта»): левая часть соответствует аффицированным (+А) положительным переживаниям собеседников, правая – аффицированным (-А) отрицательным (подробнее см.: Романов, Новоселова, 2012в; Романов, Новоселова, Романова, 2012). Данная диспозиция служит когнитивной (мысленной) точкой отсчета аффицированного отрицательного и положительного состояний Я – собеседников:

Условные обозначения в схемах таковы: К – комфортное эмоциональное состояние, А – аффицированное эмоциональное состояние, Д – дискомфортное эмоциональное состояние, знак \Rightarrow обозначает движение от полюса эмоционального комфортного состояния к дискомфортному состоянию; знак \rightarrow указывает направление расширения коммуникативного пространства конструкта угрозы; знак | используется для обозначения границ возможных диспозиций эмоционального состояния Я-адресата и Я-адресанта угрозы, т.е. конструктивно-коммуникативного пространства регулятивных менасивных действий.

В условиях реальной коммуникации регулятивное действие с менасивным компонентом не всегда является причиной появления у адресата каких-либо постоянных негативных переживаний, то есть оно не является обязательной причиной возникновения дискомфортного состояния. Такая ситуация возможна в том случае, если адресат угрозы уверен, что адресант не в состоянии или не намерен выполнить указанное в угрозе менасивное действие. Так, при проекции диспозиции Я-слушающего, вызванной следующими языковыми практиками со значением угрозы в нереальной действительности, например, (5) *Upon my word, sir, if you were a younger man you would not dare to speak to me in so offensive a fashion* (Doyle, 2010); (6) *If I had been in his place — I would have laid you dead on the hearthrug* (Collins, 2010) на континуум содержания коммуникативного конструкта угрозы мы не попадаем в точку дискомфортного состояния (Д), а окажемся в точке аффицированного состояния (А) (см. схему выше). Говорящий, произнося такие практики-угрозы, не имел возможности совершить менасивное

действие, и адресат знает об этом в силу ирреального положения дел в мире. Поэтому при использовании такого типа угрозы ее автор в состоянии вывести адресата из полярной зоны комфортного состояния, но он не в состоянии ввести его в дискомфортное состояние. Этот механизм эмоционального воздействия широко применим, например, в шуточных угрозах, которые практически не выводят собеседника из полярной зоны комфортного состояния коммуникативного конструкта угрозы, ср.: (7) *Just for that, and for all the rest of your insolences, the three of you are going to get yours* (London, 2010b).

При этом важно подчеркнуть, что коммуникативный конструкт угрозы обладает уникальным свойством располагать входящие в его семантический объем конститuenty в иерархической соподчиненности, где могут быть диспозиции пиковых переживаний (-2 и +2), промежуточные (средние) диспозиции (+1 и -1) и нулевая точка или диспозиция «Без аффекта», которые отличаются друг от друга степенью интенсивности глубины прагматического воздействия на адресата угрозы:

+2 +1 0 -1 -2

Однако практика-угроза, произнесенная перед осуществлением указанных в ней менасивных действий, может вводить собеседника в дискомфортное эмоциональное состояние. Например: (8)

'Can't you, indeed, David?' he said. 'We'll try that.'

He had my head as in a vice, but I twined round him somehow, and stopped him for a moment, entreating him not to beat me (Dickens, 2010).

Также следующие менасивные регулятивы способны вводить адресата угрозы в состояние, близкое к дискомфортному. Например: (9) *As sure as I'm living, I'll break the brat's neck* (Bronte, 2010); (10) *But, with the help of Satan, I shall make you swallow the carving-knife*, Nelly (Bronte, 2010)!

Очевидно, что практически любая угроза, реализованная в диалогической интеракции как регулятивное менасивное действие, представляет собой одну из возможных диспозиций Я-говорящего и Я-слушающего, расположенных на континууме содержания коммуникативного перформативного конструкта угрозы, в то время как сам коммуникативный конструкт угрозы предстает в виде функционально-семантического пространства угрозы или регулятивных менасивных действий, основанного на наборе возможных диспозиций эмоциональных состояний Я-говорящего и Я-слушающего (о расширении коммуникативного пространства см.: Новоселова, 2012).

При построении коммуникативного конструкта угрозы необходимо учитывать то эмоциональное состояние, в котором находится автор угрозы. Так, анализ корпуса примеров показывает, что адресант угрозы может находиться в точке комфортного состояния (или аффицированного). Например:

(11) "Yes, I know where you've been. You've been out again with that miserable beast of a woman. Oh, **God will punish her yet! You will be punished! Wait and see.**" Tears would flood her eyes and she would berate him roundly (Dreiser, 2010a);

(12) Drouet laughed. "**If you don't report more regularly we'll have to cut you off the list.**" (Dreiser, 2010);

(13) "Well, now, there's no use of your talking that way," said the man, "when you're in the hands of the police. **We can make a lot of trouble for you if we want to. You're not registered right in this house, you haven't got your wife with you, and the newspapers don't know you're here yet. You might as well be reasonable.**" (Dreiser, 2010).

В следующих практиках-угрозах адресант угрозы находится в полярной точке дискомфортного состояния:

(14) "**You can't do it, you know,**" said the detective, eyeing him coolly (Dreiser, 2010);

(15) "Now!" cries he, as the shouting subsides, and the spectators stand glaring upon him, "you know all that's passed; but not what's to come. There's another scene yet. You see me standing on my grave; but I don't go into it, till **I've sent him to his. I don't, by God!**" (Reid, 2010);

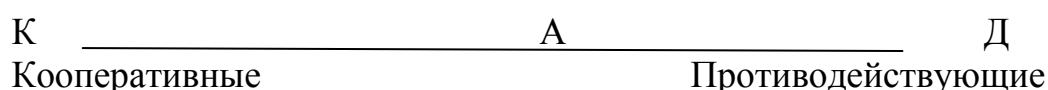
(16) "Be it so!" he replied, turning livid with rage, though still keeping himself under a certain restraint. "Well; since you think me so worthless, it won't, I suppose, better your opinion of me, when **I tell you what I'm going to do with you?**" (Reid, 2010).

Напомним вновь, что эмоциональное состояние партнеров по общению находит свое отражение в выборе ими языковых средств маркирования коммуникативной интенции. Так, нахождение автора угрозы в зоне близкой к дискомфортному эмоциональному состоянию (зона аффицированного негативного переживания) определяет маркирование им коммуникативной интенции угрозы простыми восклицательными предложениями, которые содержат упоминание наказания, менасивного действия, которое говорящий намерен совершить (подробнее: Новоселова, 2013), например, (17) *I will call up Mr. Colfax. I will call up Mr. Winfield. I will have him discharged. I will expose him in the newspapers* (Dreiser, 2010a); (18) *I will drive him out of New York, I will ruin him* (Dreiser, 2010a). А нахождение автора угрозы в аффицированном положительном состоянии определяет выбор им сложноподчиненных условных предложений, содержащих в своей структуре указание на каузируемые говорящим действия и на действия говорящего, в случае отказа от их выполнения слушающим. Например: (19) *If you try anything like that again, I'll beat cheh to death* (London, 2010a); (20) *If you make trouble, you will simply be arrested and then the newspapers will have it* (Dreiser, 2010a); (21) *Don't you ever tell about this or I'll have you thrown out of Hollywood* (Scott F., 2010); (22) *Wait here, I tell you, or you'll regret it all your born days!* (Cronin, 2010).

Отмеченные выше менасивные регулятивы могут выполнять две противоположные функции в процессе диалогического общения:

способствовать взаимодействию партнеров (регулятивы кооперативного общения) или противодействовать ему (противодействующие регулятивы). Для автора угрозы, находящегося в пиковом дискомфортном эмоциональном состоянии, характерно использование регулятивных менасивных действий, направленных на противодействие согласованному продвижению партнеров к реализации глобальной цели в рамках типового фрейма «угроза»; менасивные регулятивы кооперативного общения вводят адресата угрозы в положительно или отрицательно аффицированное состояние.

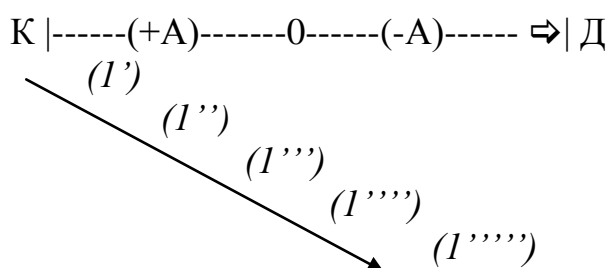
Следующая схема отображает картину такой диспозиции регулятивных менасивных действий на континууме содержания коммуникативного конструкта угрозы:

Материал исследования показывает, что для коммуникативного взаимодействия характерно использование говорящим в пределах одного репликового шага нескольких регулятивных менасивных действий, характеризующих постепенное изменение эмоционального состояния Я-говорящего в сторону дискомфорта. Например: (23)

If you don't let me in, I'll kill you! (1') *If you don't let me in, I'll kill you!* (1'') *Devil! devil!* (1''') *I'll kill you* (1''''') *I'll kill you!* (1''''''') (Bronte, 2010).

Иллокутивная структура указанного диалогического фрагмента (23) может быть представлена в виде следующих менасивных регулятивов: *поддерживающий* (1'), *фокусирующий* (1''), *обращение* (1'''), *закрывающий* (1'''''), *финальный* (1'''''''). Интенсивность воздействия на эмоциональное состояние адресата указанных менасивных регулятивных действий может быть отражена в следующей схеме:

(Диагональная стрелка слева направо указывает на постепенное усиление прагматического воздействия).

Данная схема показывает: для каузации с помощью угрозы ее автор воздействует на эмоциональное состояние адресата таким образом, что постепенно, шаг за шагом (1') - (1'') - (1''') - (1''''') - (1''''''') вводит его в некомфортное эмоциональное состояние (движение вправо по шкале коммуникативного конструкта угрозы), для выхода из которого (т.е. для скорейшего возврата в точку комфортного эмоционального состояния) адресату необходимо выполнить каузируемые действия. Важно отметить, что

автор угрозы, воздействуя на эмоциональное состояние адресата, нацеливает угрозу на введение его в такое некомфортное эмоциональное состояние, в котором он вероятнее всего совершит требуемые действия.

Таким образом, введение в исследование сферы эмоционального воздействия понятия коммуникативного конструкта угрозы позволяет изучить и систематизировать возможные диспозиции Я - адресата и Я - адресанта в дискурсивном пространстве угрожающей интеракции, а также исследовать динамику их изменения. Количество элементов рассматриваемого коммуникативного конструкта угрозы указывает на когнитивную сложность самой ситуации угрозы, так как в коммуникативный конструкт угрозы входит череда высказываний (естественно-языковых социальных практик), выраженных говорящим в процессе речевой деятельности и связанных с процессом изменения эмоционального состояния адресата под возможностью наказания. Построение коммуникативного конструкта угрозы будет успешным только в том случае, если на его континууме содержания будут отражены все возможные диспозиции эмоциональных состояний адресата и адресанта, создаваемых угрозой, в иерархическом порядке.

Угроза, реализованная в диалогической интеракции, представляет собой одну из возможных диспозиций Я-адресата и Я-адресанта, в то время как коммуникативный конструкт угрозы представляет собой *набор возможных диспозиций* эмоциональных состояний Я-адресата и Я-адресанта. Следовательно, угрозой можно считать любой из конститuentов континуума содержания коммуникативного конструкта угрозы, входящий в семантический объем диспозиций «комфортное состояние - дискомфортное состояние» и связанный с каузированием под упоминанием менасивных событий.

Следует отметить, что эмоциональное воздействие угрозы на Я-собеседника направлено на ввод его в одну из возможных диспозиций некомфортного эмоционального состояния рассматриваемого конструкта. Введение собеседника в пиковую точку некомфортного эмоционального состояния (состояния постоянного страха, фобии, стресса) не является конечной целью автора угрозы, так как он заинтересован в таком воздействии на собеседника, в котором последний совершит действия, каузируемые угрозой. К тому же в интересах адресанта угрозы использовать угрозу с затратой минимальных эмоциональных усилий для себя, то есть не изменяя своего состояния в сторону негативных эмоциональных переживаний.

Итак, угроза представляет собой сложную когнитивную ситуацию, и количество элементов рассматриваемого коммуникативного конструкта угрозы (степень доминирования положительных или отрицательных эмоциональных состояний) может быть дополнено путем более точной градации оттенков диспозиций эмоциональных состояний собеседников, однако направления воздействия, создаваемые регулятивными менасивными

моделями эмоционального воздействия, останутся прежними и, конечно, в рамках коммуникативного конструкта угрозы.

Предложенный в работе взгляд на исследование дискурсивных практик со значением угрозы привлекает внимание, так как существенно расширяет стандартное представление о коммуникативных характеристиках данного типа высказываний, объясняет механизм их использования. Дальнейшее изучение проблематики, связанной с рассмотрением и анализом коммуникативно-конструктивного пространства регулятивных менасивных действий, остается одним из актуальных направлений в условиях все возрастающего интереса как в области общего, так и германского языкознания к выявлению роли «человеческого фактора» в коммуникативно-социальной интеракции (Романов, Романова, 2009: 6). Кроме того, изучение проблематики, связанной с рассмотрением и анализом коммуникативно-конструктивного пространства регулятивных менасивных действий остается одним из актуальных направлений в условиях все возрастающего интереса к лингвоэкологической сфере социальной коммуникации и роли «человеческого фактора» в ней, демонстрируя важность не только проблем описания языковых структур, участвующих в коммуникативно-социальной менасивной интеракции, но и задач всестороннего изучения интерактивного пространства жизненных сценариев, связанных с реализацией актов различной иллюктивной направленности.

Литература

1. Гумбольдт В. Фон. Избранные труды по языкознанию. – М.: Прогресс, 1984.
2. Грайс Г. П. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. - М.: Прогресс, 1985. - Вып 16. - С. 217 - 237.
3. Келли Дж. Психология личности. Теория личных конструктов. – СПб.: Речь, 2000. - 182 с.
4. Кравченко А.В. Когнитивная лингвистика сегодня: интеграционные процессы, проблема метода // Вопросы когнитивной лингвистики. - № 1, 2004. - С. 37-52.
5. Новоселова О.В. Коммуникативное пространство композитных перформативных угроз // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. Серия: Филология, 2012, № 4, Т.1. - С. 182-190.
6. Новосёлова О.В. Особенности формального варьирования дискурсивных практик-угроз // Современные направления анализа и интерпретации инокультурных текстов: сборник научных трудов III Всероссийской школы-семинара «Современные направления анализа и интерпретации инокультурных текстов». – Томск: Изд-во Томского политехнического университета, 2013. – С. 93 - 99.
7. Петров В.В. Джерри Фодор: Когнитивное измерение мышления // Концептуализация и смысл. Сб. научн. тр. – Новосибирск: СО «Наука», 1990. - С. 227- 232.

8. Романов А.А. Системный анализ регулятивных средств диалогического общения. – М.: Институт языкознания АН СССР, 1988. - 183 с.
9. Романов А.А. Психосемиотика визуальной коммуникации в соматографическом пространстве // Романов А.А., Сорокин Ю.А. Соматикон: Аспекты невербальной коммуникации. М., 2004. - С. 1 - 158.
10. Романов А.А. Лингвистическая мозаика: Избранное. М.: ИЯ РАН, ТвГУ, ТГСХА, 2006. – 436 с.
11. Романов А.А. Вербо- и психосоматика телесного бытия человека // Романов А.А., Сорокин Ю.А. Вербо- и психосоматика: две карты человеческого тела. М.: Институт языкознания РАН, 2008. - С. 1-144.
12. Романов А.А. Основы логического знания и теории аргументации. Уч. пособие. – Тверь: ТИПЛиМК, 2011. - 136 с.
13. Романов А.А., Немец Н.Г. Дискурс утешения: Лингвопсихологический анализ. – М.: ИЯ РАН, 2006. - 144 с.
14. Романов А.А., Новоселова О.В. Дискурсивная топонимия практик-угроз [Электронный ресурс] // Электронный научный журнал «Мир лингвистики и коммуникации». – Тверь: ТГСХА, ТИПЛиМК, 2012. - № 3 (28). – ISSN 1999 - 8406; Гос. рег. № 0420800038. - Идентификационный номер 0421200038\0030. - Режим доступа: http://tverlingua.ru/archive/028/07_28.pdf
15. Романов А.А., Новосёлова О.В. Психосемантика конструкта угрозы в политической коммуникации // Вестник Тверского Государственного Университета. Серия: Педагогика и психология, 2012а, №3. – С. 6 - 16.
16. Романова Л.А. Структурно-семантические аспекты перформативов в функциональной парадигме языка. – М.: ИЯ РАН, 2009. - 180 с.
17. Хьелл Л., Зиглер Д. Теория личности. – СПб.: Питер Пресс, 1997. - 608 с.
18. Шюц А. Смысловая структура повседневной жизни. – М.: Ин-т фонда «Общественное сознание», 2003. - 336 с.

Источники примеров

1. Bronte E. Wuthering Heights [Электронный ресурс]. – Электрон. данные. – 2010. – Режим доступа: <http://www.gutenberg.org>, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. англ., 20.11.10.
2. Collins W. The Woman in White [Электронный ресурс]. – Электрон. данные. – 2010. – Режим доступа: <http://www.gutenberg.org>, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. англ., 20.11.10.
3. Cronin A. J. Hatter's castle [Электронный ресурс]. – Электрон. данные. – 2010. – Режим доступа: <http://ia700301.us.archive.org>, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. англ., 20.11.10.
4. Dickens C. David Copperfield [Электронный ресурс]. – Электрон. данные. – 2010. – Режим доступа: <http://www.gutenberg.org>, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. англ., 20.11.10.

5. Doyle A.C. The poison belt [Электронный ресурс]. – Электрон. данные. – 2010. – Режим доступа: <http://www.uspoliticsonline.com>, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. англ., 20.11.10.
6. Dreiser T. Sister Carrie [Электронный ресурс]. – Электрон. данные. – 2010. – Режим доступа: <http://www.jollyroger.com>, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. англ., 20.11.10.
7. Dreiser T. The Genius [Электронный ресурс]. – Электрон. данные. – 2010a. – Режим доступа: <http://www.gutenberg.org>, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. англ., 20.11.10.
8. London J. Martin Eden [Электронный ресурс]. – Электрон. данные. – 2010a. – Режим доступа: <http://www.gutenberg.org>, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. англ., 20.11.10.
9. London J. The Little Lady of the Big House [Электронный ресурс]. – Электрон. данные. – 2010b. – Режим доступа: <http://www.gutenberg.org>, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. англ., 20.11.10.
10. Reid M. The Headless Horseman [Электронный ресурс]. – Электрон. данные. – 2010. – Режим доступа: <http://www.gutenberg.org>, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. англ., 20.11.10.
11. Scott F. The love of the last Tycoon [Электронный ресурс]. – Электрон. данные. – 2010. – Режим доступа: <http://www.nbu.bg>, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. англ., 20.11.10.

References

1. Gumboldt V. Fon. Selected works on linguistics [Izbrannyye trudy po yazykoznaniiyu]. – М.: Progress, 1984.
2. Grays G. P. Logic and speech communication [Logika i rechevoye obshcheniye] // Novoye v zarubezhnoy lingvistike. - М.: Progress, 1985. - Вып 16. - S. 217 - 237.
3. Kelli Dzh. Psychology of personality. The theory of personal constructs [Psikhologiya lichnosti. Teoriya lichnykh konstruktov]. – SPb.: Rech, 2000. - 182 s.
4. Kravchenko A.V. Cognitive linguistics today: integration processes , the problem of method [Kognitivnaya lingvistika segodnya: integratsionnyye protsessy problema metoda] // Voprosy kognitivnoy lingvistiki. - № 1, 2004. - S. 37-52.
5. Novoselova O.V. Communicative space of composite performative threats [Kommunikativnoye prostranstvo kompozitnykh performativnykh ugroz] // Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina. Seriya: Filologiya, 2012, № 4, T.1. - S. 182-190.
6. Novoselova O.V. Features of formal variation of discursive threat practices [Osobennosti formalnogo varirovaniya diskursivnykh praktik-ugroz] // Sovremennyye napravleniya analiza i interpretatsii inokulturnykh tekstov: sbornik nauchnykh trudov III Vserossiyskoy shkoly-seminara «Sovremennyye napravleniya analiza i interpretatsii inokulturnykh tekstov». – Tomsk: Izd-vo Tomskogo politekhnicheskogo universiteta, 2013. – S. 93 - 99.

7. Petrov V.V. Jerry Fodor: The cognitive dimension of thinking [Dzherri Fodor: Kognitivnoye izmereniye myshleniya] // Kontseptualizatsiya i smysl. Sb. nauchn. tr. – Novosibirsk: SO «Nauka», 1990. - S. 227- 232.
8. Romanov A.A. System analyze of regulative means of dialogue interaction [Sistemnyy analiz regulativnykh sredstv dialogicheskogo obshcheniya] / A.A. Romanov. – M., 1988. – 183 s.
9. Romanov A.A. Psycho semiotics of visual communication in somatograf space [Psikhosemiotika vizualnoy kommunikatsii v somatograficheskom prostranstve] // Romanov A.A., Sorokin Yu.A. Somatikon: Aspekty neverbalnoy kommunikatsii. M., 2004. - S. 1 - 158.
10. Romanov A.A. Linguistic mosaic: Selected [Lingvisticheskaya mozaika]: Izbrannoye. M.: IYa RAN, TvGU, TGSKhA, 2006. – 436 s.
11. Romanov A.A. Verbal and psychosomatics of corporeal human being [Verbo- i psikhosomatika telesnogo bytiya cheloveka // Romanov A.A., Sorokin Yu.A. Verbo- i psikhosomatika: dve karty chelovecheskogo tela. M.: Institut yazykoznaniya RAN, 2008. - S. 1-144.
12. Romanov A.A. Fundamentals of logic knowledge and argumentation theory [Osnovy logicheskogo znaniya i teorii argumentatsii. Uch. posobiye]. – Tver: TIPLiMK, 2011. - 136 s.
13. Romanov A.A., Nemets N.G. Discourse of consolation: Linguapsychological analysis [Diskurs utsheniya: Lingvopsikhologicheskiiy analiz]. – M.: IYa RAN, 2006. - 144 s.
14. Romanov A.A., Novoselova O.V. Discursive toponymy of threat practices [Diskursivnaya toponimiya praktik-ugroz] [Elektronnyy resurs] // Elektronnyy nauchnyy zhurnal «Mir lingvistiki i kommunikatsii». – Tver: TGSKhA, TIPLiMK, 2012. - № 3 (28). – ISSN 1999 - 8406; Gos. reg. № 0420800038. - Identifikatsionnyy nomer 0421200038\0030. - Rezhim dostupa: http://tverlingua.ru/archive/028/07_28.pdf
15. Romanov A.A., Novoselova O.V. Psychosemantics of threat construct in political communication [Psikhosemantika konstrukta ugrozy v politicheskoy kommunikatsii] // Vestnik Tverskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Seriya: Pedagogika i psikhologiya, 2012a, №3. – S. 6 - 16.
16. Romanova L.A. Structural and semantic aspects of performatives in the functional language paradigm [Strukturno-semanticheskiye aspekty performativov v funktsionalnoy paradigme yazyka]. – M.: IYa RAN, 2009. - 180 s.
17. Khyell L., Zigler D. Theory of personality [Teoriya lichnosti]. – SPb.: Piter Press, 1997. - 608 c.
18. Shyuts A. Semantic structure of everyday life [Smyslovaya struktura povsednevnoy zhizni]. – M.: In-t fonda «Obshchestvennoye soznaniye», 2003.- 336 s.

Sources of examples

1. Bronte E. Wuthering Heights [Elektronnyy resurs]. – Elektron. dannyye. – 2010. – Rezhim dostupa: <http://www.gutenberg.org>, svobodnyy. – Zagl. s ekrana. – Yaz. angl., 20.11.10.
2. Collins W. The Woman in White [Elektronnyy resurs]. – Elektron. dannyye. – 2010. – Rezhim dostupa: <http://www.gutenberg.org>, svobodnyy. – Zagl. s ekrana. – Yaz. angl., 20.11.10.
3. Cronin A. J. Hatter's castle [Elektronnyy resurs]. – Elektron. dannyye. – 2010. – Rezhim dostupa: <http://ia700301.us.archive.org>, svobodnyy. – Zagl. s ekrana. – Yaz. angl., 20.11.10.
4. Dickens C. David Copperfield [Elektronnyy resurs]. – Elektron. dannyye. – 2010. – Rezhim dostupa: <http://www.gutenberg.org>, svobodnyy. – Zagl. s ekrana. – Yaz. angl., 20.11.10.
5. Doyle A.C. The poison belt [Elektronnyy resurs]. – Elektron. dannyye. – 2010. – Rezhim dostupa: <http://www.uspoliticsonline.com>, svobodnyy. – Zagl. s ekrana. – Yaz. angl., 20.11.10.
6. Dreiser T. Sister Carrie [Elektronnyy resurs]. – Elektron. dannyye. – 2010. – Rezhim dostupa: <http://www.jollyroger.com>, svobodnyy. – Zagl. s ekrana. – Yaz. angl., 20.11.10.
7. Dreiser T. The Genius [Elektronnyy resurs]. – Elektron. dannyye. – 2010a. – Rezhim dostupa: <http://www.gutenberg.org>, svobodnyy. – Zagl. s ekrana. – Yaz. angl., 20.11.10.
8. London J. Martin Eden [Elektronnyy resurs]. – Elektron. dannyye. – 2010a. – Rezhim dostupa: <http://www.gutenberg.org>, svobodnyy. – Zagl. s ekrana. – Yaz. angl., 20.11.10.
9. London J. The Little Lady of the Big House [Elektronnyy resurs]. – Elektron. dannyye. – 2010b. – Rezhim dostupa: <http://www.gutenberg.org>, svobodnyy. – Zagl. s ekrana. – Yaz. angl., 20.11.10.
10. Reid M. The Headless Horseman [Elektronnyy resurs]. – Elektron. dannyye. – 2010. – Rezhim dostupa: <http://www.gutenberg.org>, svobodnyy. – Zagl. s ekrana. – Yaz. angl., 20.11.10.
11. Scott F. The love of the last Tycoon [Elektronnyy resurs]. – Elektron. dannyye. – 2010. – Rezhim dostupa: <http://www.nbu.bg>, svobodnyy. – Zagl. s ekrana. – Yaz. angl., 20.11.10.